

**ТРЁЛЬЧ Э.
РЕЛИГИЯ, ХОЗЯЙСТВО И ОБЩЕСТВО**

**TROELTSCH E.
Religion, Wirtschaft und Gesellschaft**

// Aufsätze zur Geistesgeschichte u. Religionssoziologie. - Tübingen:

J.C.B.Mohr, 1925. S. 21-33.

(перевод С.В.Медведевой)

Раньше такая тема, как "Религия и хозяйство", показалась бы довольно странной. Даже "философия и хозяйство", "Музыка и хозяйство", "Математика и хозяйство" звучали бы менее удивительно. Вообще, поднимать эту тему было бессмысленно до тех пор, пока религия понималась чисто идеологически как некая догма, учение, метафизика или мораль, связанная с определенными представлениями о Вселенной. Вероятно, ученые эпохи Просвещения с сочувственной улыбкой указали бы на систему финансового хозяйства пап или на материальные интересы духовных лиц и благочестивых правителей. В их понимании эта тема предстала как вопрос самых обычных побуждений, лежащих в основе предметов, которые считаются такими возвышенными. Так, Юм рассматривал Реформацию как результат спора вокруг доходов от продажи индульгенций. Однако более глубокое понимание этого вопроса проявилось приблизительно в середине прошлого столетия.

когда результаты развития капиталистической системы вступили в явное противоречие с этическими требованиями христианства. Конечно, на этом этапе он рассматривался исключительно как практический и этический вопрос, т.е. выяснялось, как с точки зрения христианских убеждений, основанных на любви и воспитании души, можно было бы преодолеть губительные последствия манчестерского хозяйственного либерализма. Кингслей, Морис и Карлейль подняли знамя христианской реформы общества. Их приверженцами в Германии были представители теории христианского социализма Штёкер и Фридрих Науманн. Однако и это не отражает всего смысла темы, который мы вкладываем сегодня в данное понятие. В настоящее время под ним подразумевается чисто теоретический религиозно-исторический и культурно-исторический вопрос. Точнее, сама постановка вопроса вытекает из экономической теории истории культуры, которая чаще по ошибке называется историческим материализмом. Данная теория была заимствована из произведений Карла Маркса и широко распространилась на общие исторические вопросы эпохи. Разумеется, уже ранее данную теорию рассматривали различные историки так же, как, например, Карл Нитцш. Особенно усердно ответ на поставленный вопрос искали в сфере политической истории и истории права. Отсюда видно, что данная постановка вопроса не связана необходимо с системой социализма.

На самом деле этот вопрос возник отчасти в результате усовершенствования и широкого распространения в исторических исследованиях теории причинности, а отчасти он навязан нам влиянием экономической структуры на все стороны жизни. Сегодня в политической истории подобный вопрос считается вполне обычным. Однако его значение намного глубже, в политической истории и истории права связь с экономической основой обнаруживается особенно очевидно. Фактически же она ощущается и в сфере духовной культуры, вплоть до самого ее духовного ядра религиозных и метафизических мировоззрений. В основном она

неосознанная и невольная, однако связи подобного рода именно в духовной жизни являются наиболее крепкими и продолжительными. Карл Маркс не напрасно учился у Гегеля, который с невероятной проницательностью выявлял линии переплетения и слияния многообразных содержаний духовной жизни и ее движущих сил. Не вызывает сомнения, что заострение внимания к таким вопросам имеет особое значение для понимания религии как совокупной силы, влияющей на практическую жизнь. В утверждении, что только таким способом можно достичь истинного понимания самой религии и ее значения для жизни людей, вовсе нет преувеличения. Тем самым уже высвечивается одна из ее сторон, которая была действительна до такого теоретического осознания, но ускользала и сейчас большей частью ускользает от научного постижения. До сих пор понимание религии, особенно у протестантов, было чисто идеологическим и догматическим. Более глубокое восприятие религии, по крайней мере ее культурного и организационного аспекта, наблюдалось у католиков. Этнографическое исследование уделяло основное внимание религиозному культу и иррациональному, накладывая тем самым ограничение на идеологический и догматический взгляд на предмет. Но при этом практически не принималась во внимание тесная связь религии с общественной жизнью, а поскольку она по большей части обусловлена хозяйственными основами, то и с хозяйственной жизнью. Единственное исключение здесь составляет блестящее произведение Фюстеля де Куланжа "Античный город" (1864). Однако у него так и не нашлось заслуживающих внимания последователей. Только влияние социалистической истории культуры привело к широкому, но отнюдь не всеобщему признанию данной проблемы.

Правда, виноват в этом, в основном, тот метод исследования, который здесь используется, т.е. тот способ, каким разрабатывалось в социалистической литературе, например в произведениях Каутского, теория зарождения христианства. Несмотря на отдельные оригинальные взгляды, в историческом объяснении господствует

пустая и наискучнейшая догматика: Причиной классового расслоения являются чисто хозяйственные отношения; каждый класс рассматривается в зеркале метафизики и религии ни, защищающих его бытие и интересы; христианство здесь является утопическо-потусторонним отражением сознания неорганизованного и беспомощного люмпен-пролетариата эпохи поздней Античности. Эта чисто религиозная, а потому слабая, не соответствующая уровню общественного развития своего времени организация пролетариата была порабощена господствующими классами, а затем, претерпев некоторые изменения в догматике и этике, поставлена на службу интересам капитала и власти. Только изредка прорывался и еще сегодня якобы прорывается изначальный пролетарский характер христианского движения.

Подобная конструкция возникновения христианства представляется в настоящее время совершенно фантастической. Однако даже в более утонченном и очень квалифицированном изложении Мауренбрехера тех же самых процессов христианская религия понимается как производная от пролетарской психологии масс. Эту производную Мауренбрехер рассматривает в качестве естественной основы исследования теории причинности в истории. Соответственно Евангелию приписывается в высшей степени неисторический пролетарский смысл. И здесь в качестве догматической предпосылки выступает теория односторонней зависимости религии от положения классов в хозяйственной системе: сущность религии является отражением положения классов. Вообще же как здесь, так и во всей социалистической литературе ни разу не возникло ни одной попытки доказать и разъяснить это положение на общем материале истории религии. В основном оно использовалось в полемике против христианства. Однако истинное значение этого положения, а также его разнообразные видоизменения в различные периоды существования религии обнаружилось только в ходе исследования общей истории Религии¹.

Проблема гораздо сложнее. К такому объемному вопросу, как возникновение религии, вообще сразу не подступишься, ведь эту проблему невозможно решить чисто историческими или чисто психологическими методами. Она ведет к абстрактным построениям, которые фактически далеки от того, что мы наблюдаем в конкретной и реальной действительности. Необходимо обратиться к рассмотрению любой из известных, реально существующих религий, чтобы получить достаточный конкретный материал для ее исследования. При этом необязательно затрагивать чисто религиозно-философский аспект ее возникновения и становления. В основном нас занимает следующий вопрос: "Что в реально существующих религиях свидетельствует о внутреннем и существенном влиянии хозяйственной жизни, обусловленных ею расслоении общества и процесса образования классов на религиозный элемент? И наоборот, что в этих религиях указывает на существенные и внутренние воздействия религиозного элемента на хозяйственный труд?" При этом все случайные и преходящие контакты можно не принимать во внимание или рассматривать их в основном только в том случае, если они в будущем станут более продолжительными или перейдут в разряд внутренних.

Особое значение имеют разного рода случайности. В истории нередки подобные пересечения в какой-либо определенной точке двух совершенно обособленных и независимых путей развития. Именно этого и можно ожидать в нашей области, поскольку обе силы, входящие здесь в соприкосновение, искони друг другу совершенно чужды. Но если признать это последнее положение, то все преходящие, так сказать, остающиеся внешними случайности, каковые охотно выдвигал на передний план прагматизм эпохи Просвещения, придется исключить из нашего исследования, хотя практически они представляют собой значительную часть нашей проблемы.

Подобная постановка вопроса предполагает, что религиозный элемент в исторически рассматриваемых религиях, в мифе и культуре,

в представлениях и ощущениях является чем-то относительно самостоятельным, т.е. тем, что вообще только сочетается с хозяйственными интересами, но никогда с ними не совпадает. Это положение действительно для всех развитых религий. Этнографические и антропологические исследования религии слишком мало ориентировались на подобную постановку вопроса, оттого здесь и невозможно найти ответ на наш вопрос. Поэтому мы оставим их без внимания. Мы поступим так еще и потому, что разбор нашего предмета необязательно начинать с доисторических основ развития первобытного мышления, и мы можем приступить к нему, исходя из рассмотрения всех переплетений уже в известной степени дифференцированной культуры. В ней можно увидеть тенденцию к обособлению как специфически религиозного мышления и жизни, так и хозяйственного труда, который понимается с точки зрения его практической целесообразности. Ответ на наш вопрос можно найти только в обоюдном отчасти осознанном, отчасти бессознательном взаимодействии и взаимопроникновении обеих тенденций. Однако, если обе эти тенденции различны по своей сущности, соединить их напрямую невозможно. Как религии не являются наивысшим воплощением хозяйственной системы, так и формы хозяйствования и хозяйственные интересы не суть религиозные законы. Между ними возможны только опосредованные контакты. Но теперь возникает вопрос, в какой форме могло бы существовать опосредование. Ответ очень прост. Подобное опосредование выражается в крупных формах социального бытия, которые, с одной стороны, постоянно создаются религией, и тем самым затрагивается любая сфера хозяйственного труда, а с другой - они, как и все прочие, возникают на хозяйственной основе и, укрепившись подобным образом, в свою очередь, включают в себя теперь мир религиозных представлений.

Уже Фюстель поставил здесь необычайно ясные и точные вопросы. Он показал, как организующая сила религиозного культа мертвых или культа предков у индусов, греков и римлян постепенно закладывает основы патриархальной семьи, семейною и частного

права, устойчивой частной собственности на землю, замкнутого домашнего или семейного хозяйства, правовой позиции женщин, детей и рабов. Но в какой-то момент эти освященные религией и связанные с ней правила обрели чрезвычайно большую власть над практической жизнью. На их основе происходит формирование курий и фратрий, и, наконец, синойкизм, приведший к появлению городов, основывающихся на совершенно аналогичных культовых формах. Они закреплены в законах и обычаях. Война и мирный труд, вообще вся жизнь полиса связывалась с ритуальной системой, которая имеет огромное значение для всей политической жизни, законодательства, а следовательно, и для всего связанного с ними хозяйственного труда. Здесь очень отчетливо проявляется мощная определяющая инициатива религиозной идеи и созданной ею социальной организации. Однако теперь возникает вопрос, а не зависит ли, наоборот, формирование культа предков от процесса оседлости и от перехода к земледелию. Тогда инициатива исходила бы от хозяйственной жизни, которая создавала бы условия и задавала бы решающее направление развитию религиозного культа предков. Объяснить это помогло бы сравнение данного культа с развитием культа кочевых и полукочевых народов, таких, как татары и монголы. Что касается израильтян, то американский социолог Уоллис реально показал, каким образом почитание Бога одного из семейных кланов и кочевое сообщество, находящееся под покровительством этого Бога, долгое время формировали у народа Израиля консервативный характер примитивной хозяйственной морали, противопоставляя городской культурной религии религию племенной солидарности. Достаточно примитивная, с неким социалистическим налетом, противопоставленная городской и мировой культуре мораль братского отношения к ближнему сублимировалась пророками к человеколюбивой религиозной морали, которая нам известна по самым гуманным законам и пророчествам Ветхого завета. К этим примерам можно было бы добавить существование кастовой системы в Индии, которая

непосредственно связана с миром религиозных представлений, что, в свою очередь, определяет и весь хозяйственный уклад страны. Или, например, китайский культ семьи, который имеет колоссальное значение для социальной структуры империи, а тем самым и для любого вида и направления хозяйственного труда. Таким образом, ясно, что здесь представлены разнообразные достаточно сложные и в то же время необычайно тесные взаимоотношения, которые, складываясь как в религии, так и в хозяйственном труде, глубоко укоренились в мышлении и сознании жизни. Как верно отмечает Фюстель, это те самые взаимоотношения, которые становятся постоянными лишь от случая к случаю. Причем при произвольном развитии процессов очень трудно установить, какому из двух элементов принадлежит инициатива.

Не менее ясно и наглядно тот же ученый показывает, как рационализм хозяйственных и политических интересов, который учит следовать исключительно своим собственным наклонностям и стремлениям, приводит к постепенному разложению общественного порядка, обусловленного культовыми и социальными влияниями. Тем более что здесь налицо достаточная масса людей, потребности которых больше не удовлетворяются старой культово-социальной системой. Так, на примере греков и римлян он описывает революции, направленные против существующего религиозного порядка и отношений, дает характеристику высвобождающегося в результате рационализма потребностей, а также попыток рациональной перестройки общества. Затем как греки, так и римляне вопреки существующим в этике и общественно-философском учении идеалам снова пытаются создать новый этический идеал. К этому можно добавить, что подобная революция относительно удачно произошла только в Греции и Риме. Остальная часть человечества, помимо тех, кто проживает в зоне обсуждаемых в настоящий момент мировых религий, еще и по сей день пребывает в том же самом состоянии культовой и социальной обусловленности общества и хозяйства. В качестве примера можно рекомендовать

прочсть путевой дневник американца Гарри Франка "Кругосветное путешествие бродяги", в котором даны картины общества, увиденного как бы снизу. Это даст возможность наглядно убедиться в практическом влиянии этих предметов на хозяйственную жизнь и получить представление об удивительных образцах религиозного обожествления данного порядка. В этом заключаются также религиозно-политические трудности, переживаемые современной Японией, которая, восприняв экономический рационализм европейского хозяйственного стиля, не может соединить его с культово-социальными основами своей традиционной жизни. Этим и объясняются все религиозные эксперименты, производимые там: то стремятся искусственно создать новую религию государства и императора, то вдруг ищут моральную опору в христианстве, а то просто ограничиваются нейтральным европейским атеизмом.

Однако здесь мы не можем охватить всю тему целиком. Поэтому необходимо заострить свое внимание на каком-то определенном моменте. Это тем более необходимо, что рассматриваемая нами этническая религия культа предков и государственных культов отнюдь не является господствующей. В отдельные моменты с ней соперничали мировые религии, сущностью которых являются только идея Бога, этос, убеждения, религиозное мировоззрение. Соответственно возникают совершенно иные социальные формы существования религии. Место культового сообщества, совпадающего с определенными естественными группами, занимает здесь универсальное сообщество, основанное на убеждениях, пропагандистских, религиозных идейных началах. Поэтому и отношения религии и хозяйства также совершенно иные. На Востоке речь идет о буддизме и родственных ему направлениях, на Западе - об иудаизме и ответвляющихся от него христианстве и исламе. Не вызывает сомнений и то, что эти новые религиозные образования имели обуславливающую их социальную и хозяйственную предысторию. Однако мы не будем на этом подробно останавливаться. Достаточно уже и того, что здесь – выдвигается

принципиально новая позиция и понимание нашей проблемы. Тут сама религиозная идея является этической и метафизической. Ее позиция по отношению к социальной и хозяйственной жизни, не детерминируясь более исключительно влиянием социальных моментов, складывается теперь непосредственно под влиянием религиозной оценки действительности. Правда, это положение различно для различных названий религий. Древние кастовые порядки, освященные культом, буддизм считает сомнительными, однако допускает их существование и вообще не стремится создать никакого собственного самостоятельного религиозного сообщества. Таким образом, он оказывает влияние только на своих непосредственных носителей, монахов, которые буквально следуют его идее, состоящей в полном отсутствии всякой собственности. Для остальных людей он оставляет существующие порядки неизменными, тормозя лишь развитие любой рационалистской идеи наживы, которая могла бы их разрушить. Среди западных религий иудаизм, как известно, имеет необычайно большое хозяйственное значение, которое частично обосновывается активным утверждением жизни, проистекающим из идеи творения, а также религиозным толкованием таких добродетелей, как прилежание, трудолюбие и рассудочность, однако главным образом оно все же проистекает из его исторических судеб². В действительности у евреев религия прежде всего остается тесно связанной с народной жизнью. А на хозяйственную этику и взгляды сильное влияние оказывают идеи будущего и избранного народа. Здесь еще не произошло полного разрыва религиозного с социальным началом, а тем самым и с хозяйственной основой. Это положение действительно и для ислама, который через Коран и его своеобразное право внутренне связан как с примитивными организационными формами общества, так и с хозяйством, находящимся на примитивном уровне развития. Эта объясняет как могущество и успех его миссии среди рас, стоящих на низшей ступени развития, так и одновременно его слабость и враждебность по отношению к европейскому стилю хозяйствования,

который несовместим с примитивной природой исламских законов и толкованием их кадим. Только в христианстве было дано правильное определение внутренней сущности религии, и произошло истинное обособление религиозного Сообщества от социального и хозяйственного начала. Однако это не означает полного аскетического отрицания мира, и так же, как и иудаизм, христианство не отвергало всех благ сотворенного мира, считая его обширным пространством для труда.

Это отнюдь не дает ясного решения нашей проблемы, но делает ее постановку еще более сложной и запутанной. Особое внимание необходимо обратить на следующие важные пункты.

Во-первых, именно при таком углублении во внутреннюю жизнь религия освобождается из-под влияния социальной и хозяйственной жизни. Но это означает, что подобной религиозной идее слишком трудно будет непосредственно влиять на светский жизненный мир. Она возвышенна и идеальна, а следовательно, бессильна противостоять конкретным жизненным отношениям и их могущественным интересам. Это значит, что теперь хозяйственный труд предоставлен самому себе, а рационализм его интересов и целей по собственному побуждению отныне развивается на основе чисто светских принципов. Но поскольку теперь рационализм хозяйственной и социальной жизни оформляется как борьба за существование или конкуренция, то данная религиозная этика, нигде непосредственно не препятствуя рациональной борьбе за существование, противостоит ей; Религиозная идея не содержит в себе ни одного собственного и радикального средства по организации или прекращению этой борьбы, но указывает на рациональные средства, с помощью которых она может регулировать само светское понимание ее смысла. Религиозное освящение характера этой борьбы и принцип братской любви не в состоянии непосредственно своими силами решить эту проблему. Наделавшая в свое время много шума книга англичанина Беньямина Кидда о "Социальной эволюции", предисловие к которой было написано зоологом

Вейсманном, абсолютно точно подметила это положение вещей. В ней рационализм борьбы за существование в качестве чисто рационального принципа противопоставляется религиозному принципу авторитета и порядка, берущего свое начало в высших принципах любви. Но если дело действительно обстоит так, то решить проблему всегда можно какими-либо средствами ослабления или ограничения борьбы за существование, которые, однако, религия, руководствуясь исключительно собственными побуждениями, никогда не сможет выработать. Для этой борьбы она всегда должна сама выбирать и устанавливать наиболее удобные и благоприятные рациональные или произвольные правила саморегуляции. Речь идет о балансе и компромиссах с реальной жизнью.

Во-вторых, рассматриваемая здесь основная религиозная идея является по своей природе чисто религиозной и идеологической. Ведь тут исходным пунктом является вовсе не непосредственная связь обыденной жизни с культом, совпадение определенных естественных и культовых форм сообщества, но древний традиционный этический идеал. Однако его независимость является очень условной. Реальное отношение гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд. В действительности лежащие в основе идеалы ни в коей мере не свободны от реальных и конкретных предпосылок, на базе которых и по отношению к которым они развились. Идеалы самого Иисуса, например, тесно связаны с уровнем хозяйственного развития и природно-климатическими условиями Галилеи. Они просто не смогли бы сформироваться в крупном современном городе. Аналогично этому хозяйственные идеалы позднейших эпох христианства неосознанно и невольно несут на себе отпечаток той среды, в которой они возникли. Сами не ощущая того, они всегда содержат в себе некий элемент, относящийся к определенной социальной среде и эпохе, который провозглашается ими вечными истинами, божественными заповедями, толкованиями Библии. Подобно тому, как в идейном мире Библии просвечивается

социальная и хозяйственная основа, так и все позднейшие толкования Библии определялись тем, что были самоочевидными в ту или иную эпоху. Католики, лютеране, кальвинисты, сектанты и мистики читают Библию исходя из социологических предпосылок, кажущихся самоочевидными, которые, однако, они хотели бы видеть подтвержденными и отрегулированными ею. И наоборот образ действий, который воспринимается как философский и рационалистский или как чистый обычай в практике определяется неосознанно христианскими посылками и в якобы целиком светских системах просвечивает полнота христианского духа. Данное отношение должно каждый раз разясняться и устанавливаться только исходя из конкретных обстоятельств. Здесь не существует общих законов и формул прогрессивного развития, которые так популярны сегодня в условиях всеобщего стремления к обобщениям. Здесь налицо колеблющееся взад и вперед соотношение сил, при котором в конце концов в каждом особом случае устанавливается одна доминирующая на всем протяжении длительного исторического периода идея организации хозяйственной и социальной жизни.

В-третьих, необходимо учитывать еще и то, что христианская идея именно по своей внутренней сущности и при слишком большой автономности религиозного начала не располагает средствами для прямого воздействия. В высшей степени идеалистические этические требования сами по себе не обладают ими. Вопреки постоянному утверждению о прямом, чисто идеологическом влиянии, основное воздействие христианской идеи выражается не через сами этические требования, а происходит опосредованно, через созданные ею религиозные сообщества. Они основываются на догматических, культовых и чисто религиозных идеях, которые никогда не проектируются исходя из светских социальных целей. Поэтому данные сообщества обладают организующей и связующей силой, которой не обладает социальная структура, базирующаяся на чистом рационализме. Религиозные сообщества, как это показал Фюстель на примере античных городских культов и культов предков.

распространяют свои социальные формы также и на обыденную жизнь, которая с этих пор основывается на них как на духовно-этических очевидностях. В католицизме и протестантизме явственно ощущается некий элемент той социальной почвы, на которой они выросли. Но в еще большей степени общая культурная атмосфера определялась характером чисто религиозно-социологической организации авторитета, института, индивида. Именно этот характер и влияет на развитие общества и хозяйства в рамках светской жизни. Вопреки кажущейся автономии этической идеологии здесь также сохраняется поставленная марксизмом проблема зависимости религиозного начала от социального, но при этом следует говорить и об обратной зависимости социального начала от религиозного. Частное положение нельзя объяснить общей теорией, оно требует многоступенчатого исследования. Отсюда становится ясно, что, полностью обособляясь, рационализм в экономике обращается против этих религиозно-социальных связей и в своем развитии стремится быть полностью независимым от них.

Необходимость ограничить наше исследование исключительно изучением собственно религии диктуется не только невозможностью охватить всю проблему целиком в ее историко-религиозном разрезе, но и весьма стесненными средствами для наблюдений и исследования (что приводит к рассмотрению только отдельных конкретных пунктов), и просто отсутствием регулярных исследований. Внимание к христианству связано не только с его большим практическим значением для развития нашей собственной культуры. Оно проистекает прежде всего из особого внутреннего значения, присущего христианству в теоретическом отношении.

Христианство появилось на границах Востока и Запада. Оно развивалось на основе обоснованного израильскими пророками религиозного гуманизма и надежды на спасение. Освобождаясь от всех естественно-социальных условий, христианство обрело чисто религиозную внутреннюю сущность и объединило людей в религиозные сообщества. Одновременно оно стало радикальной

надеждой на спасение, ожиданием с небес чудотворного установления, соответствовавшего идеалам данных религиозных сообществ о царстве Божием. Этот этос, и эта надежда на спасение соединились с религиозным почитанием провозвестника царства Божия, побудив тем самым становление нового, чисто религиозного и культового сообщества в масштабах всего человечества. Одновременно отсутствие царства Божия на Земле заставляло сообщество применять свой идеал в качестве церковных установлении к условиям практической жизни общества и к его хозяйственной системе.

Тем самым сразу возникла проблема, которая и по сей день еще не решена.

Сноски

¹ Правда, такой проницательный и компетентный социолог, как Зиммель, попытался с помощью подобного отвлеченного метода понять и обосновать знание в области истории религии. Он характеризует чувство преданности отдельных членов общества по отношению к некой абстрактно понимаемой, всепроникающей силе как психологическую основу религии и даже выводит веру в сверхъестественное из поразительного ощущения непостижимости этой силы. Так называемая религия в собственном смысле возникает только при выделении заключенного здесь религиозно-сверхчувственного элемента. Однако подобная теория также является всего лишь остроумной фантазией, кроме всего прочего заимствующей у марксизма только высокую оценку групповых и массовых социальных связей, исключая их хозяйственное обоснование.

² В своей известной и неоднократно разбираемой книге Зомбарт так же недооценивает последнее обстоятельство, как и преувеличивает значение первого.